

Л. А. Чарская

Волшебная сказка

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Волшебная сказка / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 94 с.

ISBN 978-5-4241-2097-8

В начале XX века произведения Л.Чарской (1875-1937) пользовались необычайной популярностью у молодежи. Ее многочисленные повести и романы воспевали возвышенную любовь, живописали романтику повседневности - гимназические и институтские интересы страсти, столкновение характеров. О чем бы ни писала Л.Чарская, она всегда стремилась воспитать в читателе возвышенные чувства и твердые моральные принципы.

ISBN 978-5-4241-2097-8

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Лидия Алексеевна Чарская
Волшебная сказка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Надя Таирова

Каждое воскресенье тетя Таша надевает свое серое «праздничное», очень ветхое и во многих местах подштопанное платье и отправляется на прием в институт. По дороге, прежде чем сесть в трамвай на Суворовском проспекте, она заходит в знакомую фруктовую. Фунт шоколада «лом», коробка карамели и пяток апельсинов-корольков (Наденькиных любимых) составляют обычную покупку тети Таши для Наденьки.

Прием в Н-ском институте начинается ровно в час дня, и, когда тетя Таша робко, «бочком», входит в двухсветный институтский зал, там уже стоит обычный воскресный гомон, так близко напоминающий пчелиное жужжание вокруг улья.

Все так же держась сторонки и невольно смущаясь за свой более чем скромный наряд, тетя Таша пробирается в «свой уголок», на скамью между ролям и печкой, и здесь терпеливо дожидается Надю.

Когда-то тетя Таша служила кастаньяншей в этом институте, и все здесь знают ее отлично. Знают ее серое старенькое платье, и давно лишенную фасона бархатную шляпу капотником, и всю ее застенчивую незначительную фигурку с седеющей головой и робкой, словно извиняющейся, улыбкой. Ее привыкли видеть через каждое воскресенье на приеме, поэтому «шестушкам» (воспитанницам шестого класса), дежурившим в зале, не приходится спрашивать у тети Таши, кого ей вызвать. Дежурные воспитанницы знают, что маленькая женщина в заношенном сером платье приходит на прием к Наде Таировой, и, отвесив наскоро традиционный реверанс перед новой посетительницей, девочка мчится в пятый класс.

— Таирова, на прием! К вам пришли! — бросает она с порога классной комнаты.

С одной из задних скамеек поднимается высокая, тонкая, как жердочка, девочка лет четырнадцати и, резким движением бросив в ящик стола книгу, в чтение которой только что углублялась, забыв весь мир, идет к кафедре.

У Нади Таировой миловидное, несколько бледное лицо, на котором застыло скучающее недовольное выражение, и большие, серые навыват, рассеянные глаза. Если бы не это надутое выражение лица — Надя была бы прехорошенькой. Ни у кого из ее одноклассниц нет таких пышных белокурых волос, такого изящного тонкого носика, такой милой неожиданной улыбки, которая, впрочем, так редко появляется на ее недовольном лице. Чаше внешний вид Нади не внушает симпатии. Сейчас же, когда девочка, остановившись перед кафедрой, отвешивает реверанс классной даме и тянет усталым голосом:

— Разрешите мне, m-lle, идти в приемную, — это недовольное личико делается еще более надутым и скучающим.

Наставница, маленькая, с замученным жизнью лицом пожилая женщина, смотрит несколько минут с укором на Надю.

— А вы опять вчера единичу за невнимание на уроке математики получили, Таирова, и два с минусом за немецкий? — спрашивает она по-французски.

Бледное лицо Нади густо краснеет.

— И в пятницу мне жаловался на вас учитель истории, что вы опять читали на его уроке, — продолжает классная наставница. — Я должна нынче же переговорить обо всем этом с вашей теткой... На третий год в классе оставаться нельзя. Надо довести до ее сведения о вашем нерадении. Ступайте. Я приду позднее, в конце приема. — И наклоном головы Варвара Павловна Студенцова, классная дама пятого класса, отпускает девочку.

Красная, как пион, Надя машинально одергивает на себе пелеринку и отправляется в приемный зал, куда, в сущности, ее совсем не тянет.

— Опять тетя Таша с ее укорами, нотациями и жалобами. Опять советы-наветы «Студия», опять неприятности... Терпеть не может этих приемных дней она — Надя. Хорошо еще, если отец не пришел, а то, Бог весть, чем бы все это кончилось. И зачем только эти приемные дни существуют! То ли бы дело сидеть над книгой, не отрываясь целый день. О! что за прелесть дала ей вчера эта Нюта Беляева! Всю ночь в дортуаре и целое утро читала упоительно захватывающую книгу Надя, захлебываясь от восторга и нетерпения узнать, что будет дальше. Что за очарованье эта герцогиня Лиля! А графиня Аделаида, такая героическая, такая очаровательная девушка! А молодой герцог Рудольф, не побоявшийся драться на дуэли с тремя противниками сразу!.. Что за жизнь, что за волшебную, сказочную жизнь они ведут!

В воображении Нади мелькают картины прочитанного. Веселая охота... Звуки рога... лай собак... Нарядные полумужские костюмы у дам... Развешающиеся перья беретов... Изящное оружие... Изысканная речь... звонкий смех молодой красавицы герцогини... И вдруг волк, страшный, огромный волк, бросившийся на отважную красавицу... Меткий выстрел, пуля, попавшая в пасть чудовища, общие поздравления и заздравная чаша, поднятая в честь молодой охотницы. Потом вечер... Роскошно иллюминированный дворец герцога... Тихо плещущие среди таинственного сада фонтаны... Серебристое сияние месяца, заливающее грот и красавицу герцогиню, выслушивающую признание графа... Какие изысканные слова, какие речи! Все это так ярко переживает в своем воображении Надя, заслонившись этими образами от действительной жизни, так живо и ярко! И словно падает с облаков на землю, очутившись перед тетей Ташей, поджидающей племянницу на своем обычном месте.

— Наденька!

Тетя Таша так трогательна сейчас с ее мгновенно просветлевшим лицом и радостною улыбкой при виде Нади. Надя — ее любимица. Изю всех детей покойной сестры, которых теперь, вот уже восемь лет, воспитывает тетя Таша, Надя всех дороже и милей тетке. По ее же, теткинemu, настоянию Надю отдали в институт на казенный счет. Отдали вопреки желанию отца. Маленький банковский чиновник, обреченный получать всю жизнь пятьдесят рублей жалованья, сын слесаря, с трудом убедивший в свое время отца отдать его в юности в городское училище, Иван Яковлевич Таиров с трудом пробрался в люди, стал грамотным работником. Старшего сына, Сергея, ему удалось определить в гимназию. О Наде же отец имел свое особое мнение, совершенно обратное мнению свояченицы. И поэтому, когда четыре года тому назад Татьяна Петровна пристала к деверю с настойчивыми просьбами отдать Надю в институт, благо она имела право на это, как бывшая институтская служащая, последний долго упорствовал,

не сдавался на все просьбы.

— Нечего баловать девчонку, — со свойственной ему грубой прямолинейностью возражал он на все доводы тети Таши. — Чем она лучше других ребят — Клавдии, Шуры? А те ведь об институте и мечтать не смеют. Не принцесса какая-нибудь, нечего ей из среды своей лезть... Еще заважничает, пожалуй, с разными там аристократками яхшаться станет, нос задирает. Не потерплю, отдам в мастерство, как Клавдию, толку больше будет. В профессиональную школу куда-нибудь... А то: ин-сти-тутка, скажите на милость, важная птица какая!

— Братец! Разрешите! Сами потом благодарить будете! Ведь если кончит курс в институте наша Надя — диплом получит. А с дипломом ей всюду дорога открыта. Классной дамой может быть, учительницей. Наконец, на курсы поступит. Свое учебное заведение откроет, если захочет. И потом ведь платить за нее не надо, братец, за Наденьку, а за мою двадцатипятилетнюю службу в их стенах ее даром, на казенный счет, примут. Должны же они мне что-нибудь сделать! Ведь я столько сил и здоровья потеряла, заботясь и денно и ночью о казенном добре. Не мешайте же счастью Нади, братец, разрешите ей поступить в институт!

Долго и убедительно просила деверя тетя Таша. Наконец, он сдался. Последний аргумент о возможности дарового учения для дочери повлиял больше всего. Перспектива платить за дочь из своего скромного пятидесятирублевого жалования в другое учебное заведение настолько страшила Ивана Яковлевича при других существенных вопросах жизни, что поступление Нади на казенный счет несколько успокоило его.

— Смотрите только, чтобы беды изо всего этого не вышло, сестрица, уже сдаваясь, говорил он свояченице. — Надежду я раскусил давно: ленивая, нерадивая и пустая девчонка. Бог весть, какой трухой голову себе набивает. Не на радость обучили вы ее, видно, грамоте. Намедни книжку у нее отнял; нестоящая книжонка, пустая — говорит, лавочница дала — о приключениях каких-то, про князей да графов. С десяти-то лет себе голову какой трухой набивает! За уши я ее выдрал за это. Пусть-ка попробует еще. А насчет института, конечно... Лучше бы, понятно, подождать, когда Шурка подрастет; девочка смысленная и восприимчивая и учиться будет хорошо. Шесть лет еще не минуло, а грамоту разбирает по кубикам... Что, если бы вместо Нади да ее в институт? А? А что вы на это скажете, сестрица?

Но «сестрица» думала совсем иначе. Кому же, как не Наденьке, этому белокурому ангелу, с ее манерами переодетой принцессы не быть воспитанной и образованной барышней наравне с аристократками лучших домов? Конечно, ей, Наде, этой изысканной, изящной девочке, а не мужиковатой Шуре необходимо поступить в привилегированное учебное заведение. И, решив на этом, тетя Таша, заручившись согласием деверя, начала действовать.

Этот разговор происходил четыре года тому назад. Вскоре десятилетнюю Надю отвезли и поместили на казенный счет в Н-ский институт. И почти в первый же год ее поступления опасения Ивана Яковлевича оправдались. Надя училась дурно, застревала в классах или переходила с переэкзаменовками. Рассеянная, нерадивая, не желающая учиться, она если и не бросала занятий совсем, то только из боязни заслужить справедливый гнев отца, перед которым трепетали дети. Все свое время Надя отдавала чтению, чтению безо всякого разбора глупых бульварных романов, к которым питала слабость с самого раннего возраста.

Читала тайком, на уроках, в промежутки между ними, в дортуаре ночью, на прогулках в институтском саду. С поразительной изобретательностью доставала она книги, выменивая их на свою обеденную порцию сладкого блюда, на гостинцы, на картинки и учебные принадлежности. Тетя Таша не раз убеждала девочку прекратить это вредное занятие, советовала ей читать классиков или другие полезные книги, но Надя совсем не слушала ее. Вообще Надя мало проявляла послушания, за последние годы особенно, и Татьяна Петровна переживала далеко не первое разочарование по поводу занятий и поведения ее любимицы, но, несмотря на это, не переставала любить девочку болезненно сильной любовью.

— Наденька!

Тетя Таша широко раскинула руки и обняла свою любимицу. Потом, отстранив ее от себя, долго глядывалась в тонкое бледное личико.

— Похудела, как будто, Надюша, щечки стали что-то прозрачнее. Да и глазки невеселые. Что с тобою? Случилось что? — И добрые глаза тети глядываются с тревогою в черты девочки.

Надя ежится. Ей неприятны эти слишком бурные, по ее мнению, выражения родственных чувств на глазах всего приема. Вон, на них смотрит сейчас генерал Ртищев, с дочерью которого, Наточкой, Надя учится в одном классе. И сама Наточка глядит сюда и как будто усмехается по поводу нежной родственной сцены. Вон баронесса Шталь, мать этой насмешницы Даси, тоже направляет в их сторону свой черепаховый лорнет. Наде кажется, что все глядят на нее с теткой и удивляются несдержанности и бестактности последней.

А тетя Таша ничего и никого не замечает, решительно никого, кроме своей ненаглядной Наденьки, и говорит без умолку. Она целую неделю не видела своей любимицы, и теперь ей есть о чем расспросить Надю, есть что ей порассказать. Дома у них уйма новостей. Сереженька еще один урок достал за шесть рублей в месяц. Клавдия от какой-то генеральши очень выгодный заказ получила. А Шуре новые сапоги купили, желтые с помпончиками (цветные на лето выгоднее: пыли так не принимают, как черные). А у кошки Машки котятки родились, всех раздали, одного только себе оставили — черненький, с белым пятнышком на лбу, такой забавный! Вот придет на летние каникулы Надя, сама увидит, что за прелесть коташка. Тетя Таша увлекается, как девочка, рассказывая все это. Но мысли Нади далеки от ее рассказов, так же далеки, как и серые рассеянные глаза девочки, не видящие ни тети Таши, ни посетителей и посетительниц институтского приема. И не слышит Надя ни слова из всего того, что ей рассказывает тетка. Какое ей дело, в сущности, до уроков Сергея, до желтеньких ботинок Шурки, до кошки Машки с ее котятками. Все это проза, будни жизни... А она, Надя, рождена для праздника, для сказки, для роскоши и довольства, для той жизни, о которой написано в романах, которые она проглатывает с таким увлечением. О, как хороша та жизнь, про которую пишут в книгах! Жизнь, похожая на волшебную сказку! Все эти графы, герцогини, принцессы; все эти праздники, обеды, рауты, балы, охоты, дуэли... Все эти хитросплетенные интриги, неожиданности и случайности, над которыми так колотится и замирает сердце.

— Ах, кто это такой? Не сам ли герцог Альфред вошел в залу? Он, конечно, он...

Надя вздрагивает от восторга и неожиданности и долго смотрит на высокого,

тонкого юношу, появившегося на пороге приемной. Потом сразу падает с неба. Увы! Какой же это герцог? Это только Миша Боярцев, брат ее одноклассницы, Лили Боярцевой. Да.

А та высокая дама в трауре, может быть, это графиня Ада после смерти убитого на дуэли жениха-герцога? И опять не то. Опять вместо волшебных грез скучная проза. Высокая «черная» дама — известная всему институту бывшая здешняя воспитанница, явившаяся на прием к младшей сестренке.

Настроение Нади совсем падает. Она отвечает невпопад на вопросы тетки. В голове уже работает иная тревожная мысль: что если тетя Таша «отличилась» снова сегодня и, чего доброго, опять притащила эти ужасные фунтики шоколада-лома, какой-то мещанской карамели и грошевых апельсинов, от которых сводит рот и набивает оскомину... Ведь раскрыть нельзя пакета при Наточке Ртищевой, Лили Боярцевой, баронессе Шталь, которым родные приносят на прием самые изысканные лакомства, дорогие фрукты, конфеты, торты и которые в тайниках своих душ, конечно, смеются над мещанскими гостинцами Нади. Какой позор! Какая гадость — эта бедность, эти грошевые приношения, все это ничтожество и мещанство!

Надя так уходит в свои думы, что не замечает приближения Варвары Павловны, и только тогда, когда классная дама уже здоровается с тетей Ташей, девочка неожиданно видит ее и вскакивает со скамейки. Густая краска румянца заливает теперь лицо Нади. И в лице самой тети Таши смущение. Появления m-lle Студенцовой бывают только в самых исключительных случаях и никогда не приводят к добру.

Так и есть. Варвара Павловна садится около тети Таши и начинает рассказывать самые неприятные вещи про ее любимицу.

— Надежда Таирова совсем не учится, не хочет учиться, не готовит уроков. Читает слишком много и в неуточное время. Два раза у нее уже отбирали книжки, оказались совсем не отвечающими ее возрасту романами. Этого допускать нельзя. Все учителя жалуются на нее. Все недовольны ею. Она так рассеяна, так невозможно рассеянна и ленива. И из рук вон слаба в успехах. Вчера опять получила двойку с минусом и единицу. А ведь она второгодница, на третий год ее, ни под каким видом, оставить в классе нельзя. Бесспорно ей грозит исключение, если она не возьмет себя в руки и не подтянется во время экзаменов. Казна не намерена платить за нерадивых учениц, тем более, что на их места есть столько прилежных, жаждущих учиться. Конечно, Татьяну Петровну все знают здесь, помня ее беспорочную службу, но, тем не менее, нельзя же делать исключения, согласитесь сами, во вред делу...

И долго-долго еще говорит на эту тему Варвара Павловна.

Безмолвно, с растерянным выражением лица, с яркими пятнами волнения на щеках, слушает ее тетя Таша. Добрые серые глаза устремлены с молящим выражением в суровое лицо классной дамы.

И сама Надя как будто смущена на этот раз. Ей кажется, что все на нее смотрят, что весь «прием» догадывается о том, что говорит классная дама. О, как искренне хочется провалиться сейчас сквозь землю! Как стыдно ей, Наде, как мучительно стыдно сейчас!

Спасительный звонок, возвещающий о конце приема, внезапно прекращает эту пытку. Облегченный вздох вырывается из груди девочки. Классная дама

уходит. Тетя Таша, взволнованная, красная, встает со своего места, берет обе руки Нади в свои и смотрит на девочку испуганным, полным укора и слез, взглядом.

— Наденька, как же это так, родная? — шепчет она растерянно, — что же это такое будет у нас? Подтянись хоть на время экзаменов, Надя. Брось свои книжки, брось вздорные мысли. Ведь, не дай Бог, исключат — куда ты денешься? Папаша рассердится, в ремесло отдаст. Ах, мыслимо ли это! Ты, моя Надя, нежная, хрупкая и вдруг — портниха! Ведь убить тебя тяжелый труд может! Так постарайся же, Наденька, как-нибудь. — И голос маленькой женщины звенит слезами.

Надя сконфужена, смущена. А белокурую головку сверлит одна и та же мысль:

— Скорее бы кончилось это неприятное прощание, скорее бы уходила тетка домой.

Слава Богу, конец. Поцеловала, перекрестила и спешит к дверям зала. Теперь можно идти в класс, забиться там в излюбленный уголок за доскою и грезить до обеда, грезить над раскрытой страницей без конца, без конца...

Глава II

Как аукнется, так и откликнется

Что за роскошный, чарующий уголок между густо разросшимися кустами сирени отыскала себе Надя в большом институтском саду! Сюда никто не заглянет. Заросли кустов так плотны, что сквозь зеленую живую стену при всем желании нельзя рассмотреть тонкую фигурку в камлотовом платье и в белой пелеринке и переднике. Да и в голову никому не придет смотреть, кто притаился здесь в зеленой чаше. Завтра экзамен истории у пятого класса и «свои», пятиклассницы, заняты усердной к нему подготовкой. Семь экзаменов уже сошли, остается восьмой, последний и самый страшный. Михаил Михайлович Звонковский, преподаватель русской и общей истории, справедлив, но строг и требует знания «на зубок», как говорится, своего предмета. Поэтому к его экзамену воспитанницы готовятся с особенным усердием, зная, что здесь о поблажках и снисхождении не может быть и речи и что «Мишенька» режет безжалостно, невзирая ни на что.

Вот почему самым добросовестным образом нынче учатся в классе, учатся по ночам в дортуре, учатся в саду.

Май в этом году стоит удивительный. Небо лазурно и прозрачно, словно на юге. Белые гряды облаков красиво и медлительно-важно плывут по бирюзовому фону. Солнце играет, шутит, смеется, выглядывая из своего ажурного дворца. Зеленые побеги так бархатисты и свежи по-весеннему. А на гибких ветвях сирени повисли лиловые и белые гроздья одуряюще-вкусно пахнущих цветов.

Надя лежит, растянувшись во всю длину на молодой зеленой мураве, собрав жгутиком передник, чтобы не запачкать его случайно зеленью, и обернув его вокруг талии. Белую пелеринку она сбросила с плеч и повесила на ветку куста. В правой руке лиловая кисть сирени, в левой — учебник русской истории, другой, по всеобщей, брошен на траву. Но глаза девочки устремлены не в книгу, и мысли Нади дальше, чем когда-либо, от экзаменов, занятий, отметок и всей прочей институтской «прозы», как она называет действительную жизнь. Глаза устремлены в зеленую заросль кустов, в самую чащу, и Надя забывает весь мир в эти минуты, забывает предыдущие неудачные экзамены, забывает «провал» по

арифметике, переэкзаменовку по-немецки и по-русски. Забывает и слова начальницы, строгой, сдержанной, всегда ровной в обращении со всеми воспитанницами баронессы Х. после неудачнейшего из ответов Нади во время русского экзамена, отмеченного получением девочкою злосчастной двойки:

— Тебе будут три переэкзаменовки, Таирова, в том только случае, если ты выдержишь экзамен по истории. Иначе не взыщи, твоей тете придется взять тебя из нашего учебного заведения. Смотри же, готовься к истории особенно прилежно, твое положение весьма серьезно, помни это хорошенько.

К чести Нади сказать, слова эти смутили девочку. Но ненадолго, однако, смутили они ее.

Дня за три до решительного экзамена она увидела на постели дортуарной девушки Маши небольшую затрепанную книжонку и в какой-нибудь час времени одолела ее. Такой книжки ей еще не приходилось читать. Все прочитанные ею прежде померкли перед этим сказочным, захватывающим романом, где описывалась жизнь какой-то красавицы-принцессы, похожая на волшебную сказку, полная превратностей судьбы и самых изумительных случайностей, словом, та самая жизнь, о которой так сладко грезил в своих мечтах Надя.

И сейчас она вся еще находится под впечатлением прочитанного. И грезит им наяву.

Вот раздвигаются кусты сирени, и из зеленой заросли показывается высокая стройная фигура девушки. На ней бархатный берет с плюмажем и дорогой наряд, приспособленный для верховой езды. У красных каблучков серебряные шпоры. На тонких аристократических рунах перчатки; в одной из них она держит хлыст с серебряной рукояткой. А лицо ее знакомо, очень знакомо Наде... Белокурые волосы выбиваются из-под берета. Серые глаза радостно щурятся. Счастливая улыбка не сходит с капризных губ.

Да ведь это она сама, Надя: ее лицо, ее манеры, хотя на ней и надет этот роскошный костюм, изменивший ее до неузнаваемости; этот костюм говорит за то, что она только что примчалась с турнира, данного в честь дочери королем-отцом. На турнире храбрейшие рыцари прославляли в бою ее имя, имя принцессы Изольды. А вечером будет бал, на котором она встретит нынешнего победителя турнира. Она оставила ему свой первый гавот, она будет танцевать с ним весь вечер, она знает, что скоро он будет ее мужем, что герольды отца уже ездят по столице и извещают народ о ее помолвке с герцогом-победителем. Ее ждет впереди безграничное счастье.

Но что это? Почему вдруг померкли серые глаза принцессы? Кто это ползет там в кустах? Змея? Тигр? О, нет, нет! Кто этот темный, грубый человек со зловещей улыбкой? О, это он, злодей Раймунд, когда-то изгнанный королем-отцом из их королевства за тяжкую провинность и теперь жаждущий мщения. Его мысли темнее его лица, он весь горит жаждой отметить королю и его дочери за свое изгнание. Какой коварный план он замыслил теперь: похитить принцессу, увести ее в свой замок и жениться помимо ее воли на ней. Это он, злодей и преступник, крадется в кустах, ползет, припадая к земле, как разбойник, как ночная тать... Еще минута, и девушка в бархатном берете очутится в его руках.

— Ах!

Лицо Нади, не принцессы Нади-Изольды, а настоящей скромной институтской Нади мгновенно обливается румянцем неожиданности и испуга. Какой ужас!

Вместо белокурой принцессы и страшного «мстителя» среди зелени кустов появляется Варвара Павловна Студенцова.

— А вы опять размышлялись, Таирова, опять не учитесь? — звучит знакомый Наде (о, какой знакомый!) голос. — Должно быть, хотите, чтобы вас исключили из института? Ну, что ж, до этого уж недалеко. Ваше желание, конечно, будет удовлетворено. Искренно сожалею вашу достойную, уважаемую тетюшку. Искренно сочувствую ей... Иметь в доме такую лентяйку! И, потом, что это у вас за поза? Лежать на земле, когда есть скамейка... И зачем вы смяли передник? Зачем сбросили пелеринку? Какое вы имеете право так небрежно относиться к казенному имуществу?

Варвара Павловна смотрит в лицо Нади недовольным, суровым взглядом. Краска негодования заливает ее лицо.

Сконфуженная, пристыженная девочка поднимается с травы. Ее передник, действительно, смят, волосы растрепаны, пелеринка висит на ветке. Смущенная улыбка застыла на лице. Эта несчастная улыбка дает повод к негодованию классной наставницы.

— Как вы смеете смеяться, когда вам делают выговор? За этот смех вы будете наказаны.

И так как Надя все еще молчит смущенная, Варвара Павловна берет ее за руку и выводит на дорожку.

— Ступайте в класс, садитесь на ваше место и извольте заниматься серьезно. Я вижу, что в саду вы не можете учиться совсем.

* * *

Ночь... Окна дортуара, несмотря на строгое запрещение начальства, открыты настежь. Нестерпимо душна майская ночь. Сиреневые деревья под окнами пахнут одуряюще сильно... Какой пряный, вязущий аромат!

В дортуаре кишит жизнь, несмотря на позднее, ночное время. Благодаря белой северной ночи мая, здесь светло, как днем. Пятиклассницы небольшими группами расположились у окон и усердно затверживают имена, названия и года по учебникам истории.

Особенно года, хронологию. «Мишенька» исключительно требователен и строг в отношении последней. Беда перепутать у него лета царствования того или другого царя или же периоды войны и событий. Особенно взыскателен он почему-то ко всему, что касается Греции в общем и Пунических войн в частности. О, уж эти Пунические войны! К ним Михаил Михайлович чувствует какое-то исключительное, ничем необъяснимое тяготение и чуть ли не каждую экзаменуемую спрашивает на экзамене о той или другой Пунической войне.

Наточка Ртищева, «генеральша», как ее называют в классе, клюет вздернутым носиком над учебником истории у себя в «промежутке», то есть в узеньком проходе между своей кроватью и кроватью соседки. Зажав уши, чтобы не слышать жужжанье подруг, шепотом лепечущих пройденное, Наточка изрекает, как Пифия с треножника, раскачиваясь из стороны в сторону на своей табуретке, цифры за цифрами, имена за именами.

Где-то неподалеку в коридоре пробило три. Скоро утро. А она еще семи билетов не знает из сорока. Какой ужас! Неужели провал? С нескрываемой завистью оглядывается Наточка на тех счастливиц, которые прошли уже всю программу